

藏

В
Ш
А
М
Б
А
Л
У

В
О
З
Н
Е
С
Е
Н
И
Е

В
С
Е
В
О
Л
О
Д
О
В
Ч
И
Н
И
К
О
В

Всеволод Владимирович Овчинников

Вознесение в Шамбалу.

Своими глазами.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4985898

Вознесение в Шамбалу/ Всеволод Овчинников: АСТ, Астрель; Москва;

2011

ISBN 978-5-17-070087-5, 978-5-271-31465-0

Аннотация

Всеволод Владимирович Овчинников – журналист-международник, писатель, много лет проработавший в Китае, Японии, Англии. С его именем связано новое направление в отечественной журналистике – создание психологического портрета зарубежного общества.

Творческое кредо автора: «убедить читателя, что нельзя мерить чужую жизнь на свой аршин, нельзя опираться на привычную систему ценностей и критериев, ибо они отнюдь не универсальны, как и грамматические нормы нашего родного языка».

Автор, первый из россиян, побывавший в Тибете; в 50-х и 90-х годах он провел в загадочной Шамбале сто дней. В 1955 году он беседовал с Далай-ламой, когда тот еще был верховным правителем горного края; посетил школу астрологии и

медицины, где ламы совершенствуются в искусстве ясновидения и прорицания.

В книге «Своими глазами» автор поделился личными впечатлениями о разных странах, чтобы читатель смог ощутить атмосферу каждой из них.

Содержание

От автора	5
Вознесение в Шамбалу. Сто дней под небом Тибета 50-х и 90-х	8
Малиновые снега под чернильным небом	8
Золотые лампы Поталы	8
Колесо жизни	14
Заповедник Средневековья	20
Путешествие в Средние века	25
Мир заоблачных высей	25
Охотник за леопардами	31
На улицах Лхасы	42
Чай у далай-ламы	51
Человек презираемой касты	55
Ярмарка в долине Дам	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Всеволод Владимирович Овчинников Вознесение в Шамбалу. Своими глазами

От автора

Список моих двадцати книг открывает тема Тибета. Возможность «вознестись в Шамбалу» дважды – в 50-х и в 90-х годах – считаю подарком судьбы. В 1955 году я стал первым россиянином, которому посчастливилось проехать в Тибет по только что проложенной туда автомобильной дороге, встретиться с далай-ламой в Лхасе и с панчен-ламой в Шигатзе.

Четыре десятилетия спустя тот же путь потребовал не трех недель пути в тряском джипе, а всего двух часов полета. Однако на четвертый день пребывания в Лхасе меня госпитализировали с острым отеком легких из-за высокогорной болезни. Повторить подвиг собственной журналистской юности оказалось делом рискованным. Пришлось вспомнить назидательную японскую пословицу: «Кто ни разу в жизни не поднимался на вершину Фудзи, тот дурак. Но кто вздумал

сделать это дважды, тот дважды дурак...»

Впрочем, судьба оказалась ко мне милостивой. Местные врачи за неделю поставили на ноги. И я успел своими глазами убедиться, что хотя Тибет во многом изменился, он остался Тибетом. Перестав быть заповедником средневековья, он сохранил свой уникальный колорит.

Прочитав эту книгу, вы узнаете, почему в Тибете сохранилась такая своеобразная форма брака, как многомужество. Почему покойников там не хоронят, а скармливают стервятникам. Вы узнаете, как ламы-врачеватели открывают своим ученикам «третий глаз», дабы увеличить их способности к ясновидению.

В книге «Своими глазами» собраны путевые дневники, которые я много лет надиктовывал на пленку во время зарубежных поездок. Эти личные впечатления очевидца не касаются политических проблем, зато помогают ощутить атмосферу каждой страны, особенности ее быта и традиций, рассказывают об ее исторических памятниках. А камни прошлого, как говорил Рерих, – это ступени в будущее.

Думая о композиции книги, я решил начать с самых дальних краев к востоку от Москвы, а кончить самыми дальними на запад от нее – то есть расположить заметки в виде воображаемого кругосветного путешествия через двадцать четыре страны – от Новой Зеландии до Перу.

Через всю книгу лейтмотивом проходит мысль о том, что корни различных культур и цивилизаций тесно переплете-

ны. Несмотря на отсутствие реактивных самолетов, телевидения и Интернета, народы с глубокой древности общались и влияли друг на друга гораздо больше, чем мы нынче можем предположить.

Вознесение в Шамбалу. Сто дней под небом Тибета 50-х и 90-х

Малиновые снега под чернильным небом

Золотые лампы Поталы

Непривычно темное, чернильно-лиловое небо, малиновые снега на вершинах гор. Неожиданно убеждаешься в реалистичности картин Николая Рериха. Сознаешь, что сказочно-былинный колорит его гималайских полотен – это явь Тибетского нагорья, одного из самых труднодоступных мест на земле. Именно здесь, по преданиям, скрыта загадочная Шамбала – обитель мудрости, где земная жизнь может вступить в соприкосновение с высшим разумом небес.

В 1955 году мне довелось первым из россиян проехать Тибет на автомашине по только что проложенной туда дороге – через четырнадцать горных хребтов, через верховья великих азиатских рек – Янцзы, Меконга, Брахмапутры. И вот я снова на «крыше мира». Благо по воздуху путь от Чэнду до Лхасы занимает уже не три недели, а всего два часа. Рейсо-

вые самолеты приземляются тут на рассвете, пока еще дремлют воздушные вихри над горами. И сразу же возвращаются обратно.

Ну а я, осторожно дошагав до машины (при разреженном воздухе высокогорья любое энергичное движение тут же отдается лихорадочным стуком сердца), отправляюсь из аэропорта в Лхасу.

Сто километров пути. И вот я снова стою как зачарованный перед бело-красным фасадом дворца Потала. Словно подчеркивая его устремленность к небесам, над золотыми кровлями парит бумажный змей. И тут в памяти вспыхивает встреча с далай-ламой 14 сентября 1955 года.

Водрузив мне на шею хата – почетный снежно-белый шарф, – высший иерарх ламаизма сказал:

– Бумажный змей над дворцом – знак большой осенней луны, когда тибетцы отмечают праздник урожая, купаются в горячих источниках, собирают целебные травы. Это лучшая пора, чтобы оказаться здесь не только в первый, но и во второй раз...

Мог ли я тогда предположить, что судьба вновь забросит меня в Тибет как раз в сороковую годовщину этого разговора – буквально день в день. Чудеса, да и только! Лишь теперь, перечитывая «Шамбалу сияющую» Рериха, я заново осознал фразу о том, что личные покои каждого далай-ламы во дворце Потала, по традиции, принято расписывать фресками о его предстоящей жизни. Неужто способность заглядывать за

горизонт времени действительно существует?

Своим суровым величием дворец Потала был бы способен доминировать над любой современной столицей. Какой же благоговейный трепет вызывает он у тибетского паломника, прожившего всю жизнь в палатке из ячьей шерсти! Трудно поверить, что этот тринадцатизэтажный комплекс из 999 дворцовых помещений был возведен на крутой скале еще в VII веке. В отличие от большинства знаменитых архитектурных ансамблей Востока композиция Поталы развернута как бы в вертикальной плоскости. Дворец открывается взору сразу весь, целиком. Его стены скошены, как грани усеченной пирамиды. Они словно повторяют лейтмотив окружающей природы: контуры горных склонов. Эта особенность врезалась мне в память еще в прошлый раз. Теперь же, изрядно поездив по свету, хочу отметить и другое: поразительное сходство тибетской национальной архитектуры с историческими памятниками доколумбовой Америки. Например, с такими сооружениями народа майя, как Ушмаль на территории нынешней Мексики, или с таким творением инков, как Мачу-Пикчу в Перу.

К тому же зодчеством дело не ограничивается. Одежда, быт, даже этнические черты нынешних обитателей Анд и полуострова Юкатан как бы подтверждают гипотезу о том, что Америка была заселена выходцами с Тибетского нагорья, которые пересекли Берингов пролив по перешейку, некогда соединявшему его берега. Не случайно своим внешним видом

тибетцы прежде всего напомнили мне американских индейцев, знакомых по романам Купера и Майн Рида. Резко очерченные лица; горделивая осанка людей, привыкших носить оружие; присущая не только женщинам, но и мужчинам любовь к украшениям (перстням, серьгам, браслетам). В этом смысле тибетцы чем-то напоминают цыган – кстати сказать, тоже выходцев из Азии, из Индостана.

Впрочем, о том, что корни национальных культур различных народов с давних пор глубоко переплетены, есть много бесспорных свидетельств. В самой древней части Поталы – пещерном молитвенном зале – можно увидеть статуи тибетского царя Сронцзан Гамбо и его жены – китайской принцессы Вэнь Чэн. Впервые объединив населявшие нагорье племена, этот царь основал династию Тубо (от названия которой, видимо, и произошло слово Тибет) и попросил у китайского императора Тайцзуна руку одной из его дочерей.

Во времена династии Тан китайская столица Чанань была одним из центров мировой цивилизации, началом Великого шелкового пути в Среднюю Азию, на Ближний Восток и в Европу. И неудивительно, что принцесса Вэнь Чэн привезла с собой ученых и умельцев, которые положили в Тибете начало многим наукам и ремеслам. Именно с той поры связал соседние народы «чайный путь», который служит для жителей нагорья жизненно важной артерией вот уже более тринадцати столетий.

Дворец, построенный в честь бракосочетания тибетского

царя с китайской принцессой, восхищает строгой гармонией линий и благородным сочетанием цветов – золотого, белого и красного. Кровли из листового золота. Беленые стены и красновато-бурые, как запекающаяся кровь, карнизы из выкрашенного охрой камыша. Возведенная в VII веке Потала была сожжена ударом молнии, а затем почти полностью разрушена во времена Ландармы – противника ламаизма. Но в XVII веке при пятом далай-ламе дворец восстановили по сохранившимся фрескам, и в своем нынешнем виде он существует 350 лет.

Внутри Потала впечатляет прежде всего мрачной массивностью. Крутые лестницы со стертыми каменными ступенями. Узкие, как бойницы, окна в стенах метровой толщины. Низкие потолки опираются на четырехгранные деревянные колонны, покрытые резьбой. В центральной, «красной» части дворца рядом с личными покоями далай-ламы находятся погребальные ступы его предшественников. В самой большой из них покоится пятый далай-лама. Внимание привлекает матовый зеленовато-желтый металл, которым покрыта эта пятнадцатиметровая бутылка, украшенная драгоценными камнями. Листовое высокопробное золото!

Из него же сделаны и расставленные вокруг огромные лампы. По размеру они больше похожи на купели, ибо в каждую входит по два-три ведра топленого масла. За сутки в тибетском монастыре его сгорает несколько десятков вьюков – груз целого каравана. Жирная копоть оседает на балках

перекрытий, делает скользким каменный пол, сгущает неотвязный запах, который господствует в этом краю повсюду, — запах прогорклого ячьего масла. Тибетцы жгут его в лампадах, заваривают с ним кирпичный чай, мажут им лица, чтобы защитить кожу от солнца и ветра.

С плоской крыши Поталы хорошо видно, как безликие здания современной постройки обступают историческую часть Лхасы, ядром которой служит храм Джокан. Царь Сронцзан Гамбо возвел его в 648 году специально для статуи Шакьямуни, привезенной из Китая принцессой Вэнь Чэн. Тогда же он объявил государственной религией буддизм и повелел создать тибетскую письменность для перевода его канонических книг. По преданию, эта фигура Шакьямуни возникла сама собой из золотых слитков и имеет портретное сходство с юным Буддой. Основание статуи скрыто под грудой пожертвованных храму драгоценных камней. Их лучше сторожевых собак охраняют черные коты. Они бесшумно появляются из мрака и впиваются в горло тому, кто дерзнет протянуть руку к сокровищам.

Фигуры двух ланей, обрамляющие «колесо жизни», сверкают на золотой кровле монастыря Джокан. Перед входом в него разрослась священная ива. Тут всегда можно видеть паломников, совершающих обряд «простирая ниц».

В первом месяце по тибетскому календарю на площади перед Джоканом проводится десятидневная церемония великого богослужения, учрежденная еще в 1409 году. На нее

собирается свыше ста тысяч паломников. Много их тут и в обычные дни. Нигде, пожалуй, так остро не ощущаешь, сколь сильны религиозные чувства тибетцев, сколь важную роль в ламаизме играет идея о том, что «жизнь нынешняя есть следствие прошлой и причина будущей».

Колесо жизни

Ламаизм не требует от мирянина знания священных текстов. Штудировать 108 томов Кангиура – дело монахов. Верующему достаточно повторять одну-единственную фразу: «Ом мани падме хум», то есть «Будь благословен рожденный из лотоса». Причем даже эти четыре слова можно твердить как бы символически, если вращать по часовой стрелке барабан, на котором они написаны. Ряды таких латунных цилиндров на вертикальной оси тянутся вдоль стен Джокана, образуя первый из трех священных кругов Лхасы. Вторым служит улица Палкхор, опоясывающая храм снаружи. И наконец, третий – девятикилометровая улица Лингкор – огибает всю древнюю часть города, включая и дворец Потала.

Само движение по этим кругам равнозначно молитве, если паломник повернут к святыне правым плечом. Ибо вращение по ходу солнца символизирует круговорот времени, причинно-следственную связь прошлого, настоящего и будущего. Вечное вращение «колеса жизни» олицетворяет и свастика. Нацисты считали Тибет прародиной арийской ра-

сы. Но примечательно, что они сделали своей эмблемой не буддийский символ, а знак обратного движения. И позаимствовали его из языческой тибетской религии бон, прозванной в народе «черной верой», религией тьмы.

Богомольцы шагают по священным кругам Лхасы, крутя молитвенные вертушки. Не парадокс ли: веками обходиться в быту без колеса, пользуясь им лишь для молитвы! Впрочем, есть и более впечатляющий способ выражать религиозный экстаз. Паломник воздевает руки над головой, сводит их перед грудью, опускается на колени и распластывается по земле. Затем делает несколько шагов до места, куда дотянулись его руки, и снова падает ниц. Чтобы сделать круг по улице Лингкор, нужно совершить до пяти тысяч таких падений. (Чтобы не стереть в кровь кожу, надевают наколенники и нечто вроде рукавиц.) А ведь есть подвижники, меряющие телом свой путь из дальних окраин Тибета. Прежде они добирались сюда таким способом даже из Монголии, Непала, Бутана.

Второй священный круг Лхасы – улица Палкхор – самая красочная часть города, доньше сохранившая его средневековый колорит. Это типичное торжище у храма, сплошной базарный ряд. Возможно, это и первая в мире улица с односторонним движением, хоть и без соответствующих знаков. Ибо поток людей движется тут строго в одну сторону, обтекая рассеявшихся посреди дороги нищих, юродивых, монахов, нанятых кем-то читать сутры, и перешагивая через мно-

жество дремлющих в пыли бездомных собак. Обычай требует: идти правым плечом к святыне. Стоило мне обернуться назад, чтобы сфотографировать не спины, а лица, как это вызвало недовольные взгляды.

Впрочем, останавливаться у лавок и вести отчаянный торг по обычаям восточного базара отнюдь не возбраняется. А торгуют на Палкхоре всем, что может понадобится тибетцу, что производят здешние ремесленники, скотоводы, земледельцы. Священные книги, отпечатанные с досок в лхасских монастырях. Серебряные украшения из Шигатзе. Ковры из Гьянтзе. Кинжалы в чеканных ножнах из Дэгэ. Бронзовые фигурки Будды, портреты далай-ламы и костяные четки. И здесь же желтеет то, что куда больше, чем трехведерные золотые лампы Поталы, воплощает собой в Тибете мерило богатства – круги ячьего масла. А вот и сами яки. В соседнем переулке караванщики из дальних кочевий ждут для них покупателей.

Як, если его описать в двух словах, – это медведь с головой коровы и хвостом лошади. Нельзя представить себе жизнь тибетца без этого животного. Испокон веков як был главным транспортным средством, ибо грузы перевозились только выюками. Тибетский земледелец пашет на яках свое поле, а потом пускает по нему борону из ячьих рогов. Ячье молоко и мясо служат главной пищей скотоводов. Даже кости яка хранят на черный день под слоем камней: из них можно потом сварить суп. Из ячьей шерсти вяжут веревки, ткнут полот-

нища для палаток. А как прожить в Тибете без аргала, лепешек сухого ячьего навоза, смешанного с соломой, – единственного топлива в этом краю!

На аргале кипятят часуйму – кирпичный чай с маслом и солью, который согревает и подкрепляет, а заодно смазывает пересохшие губы. Часуймой же, в свою очередь, заваривают цзамбу, заменяющую тибетцам хлеб. Насыпают в деревянную чашку горсть муки из прожаренного ячменя, подливают чаю, размешивают пальцами это крутое рассыпчатое тесто и едят его сырым. Тепло тут настолько драгоценно, что печь хлеб или лепешки оказалось бы для жителя нагорья неразрешимой задачей.

Национальная одежда тибетцев – чуба – шьется из домо-тканого сукна или овчины. Может быть, отсюда и пришло к нам через монголов слово «шуба»? Как и японское кимоно, тибетская чуба кроится с большим запасом по ширине и длине. Она, стало быть, годится для человека любого роста и комплекции. Подпоясываясь, тибетец подтягивает полы чубы до колен. Так что выше талии образуется большой напуск, где можно хранить все, что может понадобиться в течение дня: миску для часуймы, огниво, четки, кинжал.

Особенности высокогорья с его температурными контрастами выработали и своеобразный способ носить чубу. Днем тибетец обычно снимает ее с правого плеча, закинув пустой рукав за спину. В пылу работы может высвободить и обе руки. Но подул ветер – и одежда, чтобы закрыться от

холода, у горца всегда под руками в самом прямом смысле слова.

Суровой природой высочайшего в мире нагорья порождены и многие другие своеобразные черты образа жизни его обитателей. Тибет, к примеру, – это край, где нет ни кладбищ, ни отдельных могил. Исключение – надгробный курган царя Сронцзан Гамбо и нескольких его потомков. Забалзамированные мощи покойных далай-лам и панчен-лам хранятся в золотых ступах, украшающих молельные залы ламаистских святилищ. В остальных же случаях похороны в Тибете означают не «предание земле», а «предание небу». В окрестностях Лхасы, неподалеку от монастыря Сера, мне показали огромный валун, где совершается это таинство.

Тело, завернутое в белую ткань, доставляют туда перед рассветом. Зажигают костер из сухих листьев, политых смесью ячьей крови и масла. Столб дыма привлекает гигантских грифов, которые тут же слетаются с окрестных гор. Профессиональные «членители трупов» рассекают тело надвое – от темени до копчика. Пернатым хищникам дают выклевывать обе половины черепа, скармливают им внутренности покойника, затем мясо и, наконец, истолченные и смешанные с тестом кости. На мокром от утреннего тумана камне остается лишь несколько кровавых пятен. Насытившиеся валькирии тяжело взмахивают крыльями и улетают. Раз от умершего ничего не осталось – значит, он благополучно переселился на небо.

Почему именно такая форма похорон стала доминирующей в Тибете? Конечно, рыть могилы в здешнем скалистом грунте трудно, а при отсутствии какого-либо топлива, кроме кизяка, кремация обходилась бы слишком дорого. Но, кроме этих практических причин, тут, безусловно, сказалась и религиозная философия. По мнению буддистов, смерть есть рождение, переход на иной уровень бытия. И, стало быть, умершее тело должно быть принесено в дар другим формам жизни.

Тибет – одно из немногих мест на земле, где издавна существовала традиция многомужества. Объясняется это прежде всего экономическими причинами. Для бедных семей (что тут скорее правило, чем исключение) – это способ сохранить под родительским кровом всех сыновей, заплатив калым лишь за одну невестку. А главное – избежать раздела семейного имущества, что сулило бы разорение большинству тибетцев. Итак, принято женить лишь старшего сына, наследующего отцовский надел или пастбище. Младшие сыновья по мере того, как они подрастают, тоже присоединяются к этому браку. Естественной считается и связь свекра с невесткой. Вопрос об отцовстве никогда не встает. Есть лишь общая мать, ибо все дети в семье рождаются из одной утробы. А когда мальчики станут юношами, им опять-таки возьмут одну жену на всех.

Групповой брак может иметь и другую форму. Когда у состоятельных родителей есть несколько дочерей и ни одного

сына, им сватают общего мужа. Но в этом случае зятя усыновляют, а матью всех внуков считается старшая дочь. Если же замуж выходит вдова, то ее дочери становятся женами своего отчима, однако их дети все равно считаются потомством хозяйки дома.

Традиции многомужества и безбрачие монахов издавна создавали в Тибете избыток женщин при нехватке мужчин. Это вызывало обостренную конкуренцию между девушками и сформировало в обществе благосклонное отношение к добрачным связям. Если незамужняя тибетка беременеет, отец ребенка трудится в ее семье две недели до и две недели после родов. Затем родители девушки с благодарностью провожают его и причисляют младенца к собственным детям.

Многие тибетки носят ожерелье из нанизанных на ремешок серебряных монет. Принято считать, что каждая из них – любовный сувенир. Если монет мало – значит, девушка не пользуется вниманием мужчин и сосватать ее трудно. Знакомство же с чужестранцем, видимо, особенно ценится, ибо обозначается в таком монисте коралловым шариком. Не зря Марко Поло заметил в своей книге, что отправляться в Тибет нужно молодым.

Заповедник Средневековья

Стою на верхней площадке Потады и складываю в уме два числа: 117 метров – высота дворца на холме, 3660 метров

– высота Лхасы над уровнем моря. Стало быть, оказавшись здесь, я как бы снова поднялся на Фудзи – самую большую гору Японии. А ведь работающих там метеорологов японцы почитают прямо-таки как героев: полгода вокруг снега, зимой многодневные бураны, постоянно дает о себе знать разреженный воздух. В Тибете же такие места считаются низиной. Скотоводы кочуют гораздо выше Лхасы – на 4000–4500 метров.

С севера и юга Тибетское нагорье огорожено неприступными хребтами. Полсотни вершин вознесены тут природой более чем на 7000 метров. Пять пиков – восьмитысячники, среди которых мировой рекордсмен – Джомолунгма. Не удивительно, что в отрезанных от мира и друг от друга селениях время словно замедляло свой бег. Попад в Тибет в 1955 году, я почувствовал себя перенесенным в средневековье. Монастыри, знать, сановники владели всеми пашнями и пастбищами. Земледельцы и скотоводы находились у них в крепостной зависимости.

Структура населения Тибета была тогда примерно такова: среди миллиона жителей насчитывалось 600 тысяч крепостных земледельцев, 200 тысяч крепостных скотоводов, 50 тысяч ремесленников и торговцев. Седьмую часть населения (150 тысяч человек) составляли ламы. В Тибете было около двухсот знатных семей, но по богатству и власти они далеко уступали духовенству. Владея львиной долей земли, скота, рабочей силы, 2138 монастырей были и материальным и ду-

ховным оплотом феодальной системы.

Правители Китая издавна стремились сделать тибетское духовенство своей опорой. Еще в XIII веке, присоединив Тибет к своим владениям, Хубилай-хан пригласил в Пекин главу буддийской секты Сакья, дал ему титул «наставника императора» и поручил управлять тибетскими землями.

Впоследствии главенствующее положение в ламаизме обрела секта «желтых шапок». Ее основатель Цзонхава открыл в окрестностях Лхасы «три великих монастыря» – Ганден, Сера, Дрепан. (Им было разрешено иметь соответственно 3333, 5555 и 7777 монахов.) Чтобы поднять престиж духовенства, Цзонхава укрепил монашескую дисциплину, ввел обет безбрачия.

Но тогда возник вопрос: кто и как должен наследовать верховную власть? Решение было подсказано буддийской догмой о карме, то есть переселении душ. Верующим объявили, что высшие иерархи ламаизма не умирают, а перевоплощаются в младенцев, родившихся в день их смерти. Поскольку кандидатов на эту роль может оказаться много, разработан сложный ритуал отбора. Прежде всего с помощью гадания определяется направление поисков. Потом на новорожденных составляют гороскопы, ищут на их предплечьях и бедрах определенные знаки – свидетельства их прежней жизни. По негласной традиции, ищут среди простолюдинов, ибо избранник из знатной или богатой семьи чрезмерно увеличил бы ее влияние.

После того как младенцы прошли первый отбор, их в трехлетнем возрасте свозят на главный обряд. Претендент должен из тридцати различных предметов безошибочно выбрать девять, принадлежавших покойному далай-ламе, то есть доказать, что он пользовался ими в предыдущем существовании. Если подобного экзамена не выдержал никто, продолжают искать в другом месте. Когда ребенок, в которого переселилась душа далай-ламы, наконец определен, он обретает лишь номинальную власть. Ибо до его совершеннолетия всем заправляет регент. Накануне посвящения в сан юноша две недели постится на воде. Но эта голодовка отнюдь не самое опасное в его судьбе. Лишь пятый, седьмой, девятый и тринадцатый далай-лама пробыли высшими иерархами достаточно долго, чтобы умереть естественной смертью. Для тех, кто рассчитывает стать регентом, есть большой соблазн досрочно «перевоплотить» далай-ламу в младенца, чтобы и дальше вершить дела от его имени.

В середине XVII века пятый перерожденец одержал окончательную победу над своими соперниками и получил от Гошри-хана титул далай-ламы. С тех пор высший иерарх ламаизма стал одновременно верховным правителем края и переселился из монастыря Дрепан во дворец Потала.

Такое соединение духовной и светской власти дожило до китайской революции. Соглашение о мирном освобождении Тибета, подписанное в 1951 году, предусматривало право тибетского народа на районную национальную автономию в

рамках Китайской Народной Республики. Вопросы обороны и внешних сношений были объявлены прерогативой Пекина, а Лхасе предоставлена полная самостоятельность в местных делах. В соглашении говорилось, что центральные власти не будут изменять сложившуюся в Тибете политическую систему, функции и полномочия далай-ламы, с уважением относятся к религиозным верованиям, обычаям и привычкам тибетского народа, не станут вносить какие-либо изменения в доходы монастырей.

В 1955 году Тибет предстал моим глазам как нетронутый заповедник средневековья, как некая инсценировка рыцарских романов Вальтера Скотта о временах Крестовых походов.

Путешествие в Средние века

Мир заоблачных высей

Цепи снеговых вершин возвышаются одна над другой, как ступени лестницы, ведущей в заоблачные края. Тщетно ищет глаз черту горизонта. Вот уже много дней мой видимый мир ограничен со всех сторон лишь безмолвными седоголовыми пиками. Однако природа от этого не выглядит однообразной. Она ошеломляет многоликостью, резкостью контрастов. Как в калейдоскопе, сменяются ландшафты, растительные зоны, времена года... То передо мной раскрывается величественная альпийская страна. Темные провалы ущелий, крутые изломы безжизненных хребтов, рассеченная острыми краями скал зеленая одежда предгорий. То мы попадаем в долины с заболоченными озерами и редким покровом высокогорных трав. То за перевалом вдруг открывается взору зубчатая стена леса. И тогда к голосу потоков, бегущих среди гранитных глыб, примешивается давно забытый шум сосен.

Тибетское нагорье поражает масштабами, в которых природа создала это сплетение мускулов земной коры. Все кругом имеет формы и размеры фантастические. И грозный голос рек-водопадов. И облака, которые видишь где-то глубоко внизу. И парящие в небе орлы с двухметровым размахом

крыльев. Это величие внушало бы путешественнику ощущение собственной ничтожности, если бы не сама автомобильная дорога. Велик человек, раз он смог победить даже эти вздыбившиеся горы! Вот мысль, с которой встречаешь каждый перевал.

Легко ли представить себе грузовик, движущийся за облаками? А ведь именно такие высоты приходится преодолевать на пути в Тибет. Когда машина крутыми зигзагами взбирается к перевалу, вознесенному за пять тысяч метров над уровнем моря, когда за узкой кромкой дороги сквозь голубоватую толщу воздуха видишь внизу причудливые петли всего сделанного за полдня пути, когда даже моторам не хватает воздуха и вода в радиаторах начинает кипеть при восьмидесяти градусах, нельзя не думать о тех, кто прокладывал эту магистраль.

Путь в Тибет из центральных провинций Китая требовал трех-четырех месяцев езды верхом по выючным тропам. Дневной переход в двадцать километров считался настолько очевидным пределом, что слово «переход» стало мерой длины. Шоссе, по которому я проехал, позволяет за пару недель покрыть две с половиной тысячи километров, что отделяют административный центр провинции Сычуань, город Чэнду, от сердца Тибета Лхасы. На подступах к Тибету линии горных хребтов и зажатых между ними рек тянутся с севера на юг. А шоссе пришлось прокладывать с востока на запад. Оно проходит через четырнадцать перевалов.

В 1950 году части Народно-освободительной армии Китая, двигавшиеся в Тибет, начали строить эту дорогу, а четыре года спустя она была открыта для движения. Через горные кряжи, через пропиленные реками каменные щели, через рыхлые гряды морен и зыбучие пески проложили строители высокогорную магистраль. Дорога пересекала девственные леса Поми, словно дремлющие в заколдованном сне. Леса, где с ветвей деревьев-богатырей свисают седые бороды мха, а плющ вьет беседки среди поваленных бурями исполинских стволов. Она прошла мимо ледников, опасных своими селями – грязе-каменными потоками. По несколько километров приходится ехать среди серого хаоса валунов и спекшейся земли. Словно рядом остатки населенного пункта, дотла разрушенного бомбардировкой. Временами, чаще всего в конце лета, талая вода выбрасывает из трещин ледника смерзшуюся пробку наносов. И тогда вниз по склону низвергается похожая на жидкий бетон масса грязи вперемешку с камнями.

Вижу очередной столб с надписью: «Вершина. Перед спуском проверь тормоза». Рядом насыпана груда камней с воткнутыми в нее шестами. Ветер треплет на них выцветшие полотнища с буддийскими письменами. Это молитвенный курган, неизменная примета перевала.

В Тибете сильны поверья о злых духах – обитателях горных вершин, которые якобы посылают болезни и беды на тех, кто отваживается подняться в их владения. Для защиты от них на гребнях перевалов ставят эти флажки с молитвенны-

ми текстами. Поднявшись сюда, погонщик каравана по обычаю кладет возле флажка небольшой камешек, принесенный с подножия. Так вырастает курган.

На вершине поневоле вспоминаешь об этих поверьях. Разреженность воздуха чувствуется, даже когда сидишь без движения в машине. Одолевает зевота, хочется сделать глубокий вдох. Мотор приходится студить через каждые полчаса. Во время этих частых остановок я уже не бегаю с фотоаппаратом, а молча сижу на своем месте.

Даже в теплое время дня сталкиваешься со своеобразием тибетского климата: солнце печет немилосердно, но стоит шагнуть в тень, как начинает пробирать холод. Такого сочетание сильно разреженного воздуха и высокого солнца тридцатых параллелей. Все это я с первых дней испытываю на себе. По утрам шоферу приходится жечь масляные факелы, чтобы завести мотор после ночного заморозка. Выезжая до света, пробиваем ползущие сверху ключья ледяного тумана. Когда солнце наконец поднимается из-за хребтов, кажется, что его режущий глаза свет, отраженный снегами, струит не тепло, а колющий холод. Но проходит несколько часов, очередная гора остается позади, и вдруг чувствуешь, что полущубок становится тяжелым и неудобным. На обеденном привале уже хочется до пояса умыться у ручья, подставить спину теплым лучам высокого солнца. А к вечеру снова начинают дуть неизменные в Тибете ветры, набегают свинцовые тучи и к месту ночевки добираешься продрогшим.

Селения в Тибете обычно расположены в долинах рек, где на клочках земли, очищенных от обломков скал, растет цинко – местный сорт ячменя. Цзамба, как я уже говорил, – мука из пережаренных зерен этого злака – главная пища как в бедной, так и в зажиточной тибетской семье.

От тибетского жилища веет средневековым. Каждое из них – крепость из неотесанных камней. Маленькие оконца есть лишь наверху, у самого карниза плоской крыши. Постоянная угроза вражеских набегов издавна заставляла людей так строить дома, чтобы все имущество семьи было укрыто за толстыми каменными стенами. Нижний, темный, этаж служит стойлом для скота. Там же складывают незатейливый земледельческий инвентарь. Крутая приставная лесенка ведет наверх, в жилые помещения. Над ним в небольших пристройках на плоской крыше хранится зерно. Оттуда же хозяин с сыновьями может при необходимости отстреливаться от непрошенных гостей.

Солнце прячется за хребет. Перед уходом на покой оно всегда освещает силуэт гор, которые ждут нас завтра: мы все время едем на запад. Волны тумана растекаются по долине, растворяются и тают последние звуки. Только река по-прежнему шумит внизу, но ее шум, к которому ухо привыкает как к тиканью часов, лишь усиливает ощущение вечерней тишины. Последнюю ночь трехнедельного пути провел без сна. Не верилось, что завтра увижу заветный город – мечту стольких путешественников. Сюда с севера, со стороны Монголии и

Цинхая, пытался добраться Николай Пржевальский. А с юга, из Индии, – Николай Рерих. Однако ни тому ни другому побывать в Лхасе не удалось.

Лагерь наш оживает задолго до света, когда полоса неба над ущельем еще кажется извилистой звездной рекой. Впереди уже нет гор, и «газик» мчится, как почуявший дом конь. Въезжаем в долину реки Кичу. Рассеченная галечными отмелями на серебристые рукава и притоки, она течет среди лугов и полей желтеющего цинко. Последние километры перед Лхасой. По обочине шоссе, мимо гигантских статуй Будды, высеченных в скалах, бредут десятки паломников. Как анфилада ворот перед древними дворцами Пекина, выстроились в два ряда горы, словно для того, чтобы подготовить путешественника к чему-то величаво-торжественному.

С волнением вглядываюсь в даль. Заходящее солнце скрыто большой свинцовой тучей. Только небольшой сноп лучей, прорвавшись через невидимое окно, веером падает на золотые кровли здания, как бы возникающие из горы. Потала! На фоне окрашенной сумраком равнины дворец далай-ламы предстает словно в ореоле излучаемого им самим света. Впереди – стальные фермы переброшенного через реку Кичу моста. На противоположном берегу белеют строения. Я въезжаю в Лхасу. Но, прежде чем вести речь об этом священном для ламаистов городе, хочу рассказать о тибетце, с которым удалось провести вместе целый день, когда мы, проделав полпути, разбили лагерь в лесах Поми на востоке

Охотник за леопардами

Стоит Цзэдэну подумать о детстве, как в памяти его всплывают всегда одни и те же картины. Заслышав знакомые шаги отца по прибрежной гальке, Цзэдэн с радостным криком кидается навстречу. За Цзэдэном семенят младшие братья. Отец возвращается после трехдневной охоты. Его чуба из некрашеной домотканой материи выпачкана в крови. Старое кремневое ружье он держит в руке. За спиной у него болтается еще не высохшая медвежья шкура или оленьи рога, а то и половина козлиной туши.

Мать отправляется в этот день к соседям, предлагает свежего мяса, а взамен почти всегда приносит цзамбу, чай, соль или другие вещи, которых в доме обычно не бывает вдоволь. После еды отец садится плести силки или набивает патроны и рассказывает сыновьям о том, что видел в лесу, какие повадки у зверей, о чем поют лесные птицы. Мальчики, усевшись вокруг, жадно ловят каждое слово отца, гладят его большой охотничий нож, и в глазах у них восторг, желание поскорее стать взрослыми.

И вот Цзэдэн впервые на охотничьей тропе. Он не спускает глаз с отца, старается подражать его движениям. Начинает светать. На всем холодная роса, но они идут босиком.

— Так научишься легче ступать, зверя пугать не будешь, —

слышит Цзэдэн. — В дождь — другое дело. В дождь хоть обувайся, хоть нет — в лесу все равно шумно.

Отец смолкает и останавливается. Его широкая, нескладная фигура приобретает кошачью гибкость. В просвете среди зелени Цзэдэн видит, как два красавца оленя, раздувая ноздри, топчутся друг возле друга. В стороне стоит самка, спокойно поедая молодые листочки. Отец подает Цзэдэну знак: бери левого. Охотники бесшумно ставят на сошки свои допотопные ружья и тщательно целятся. Выстрелы звучат почти одновременно. Горное эхо повторяет их. Лес отвечает хлопаньем крыльев, встревоженными голосами птиц, треском сучьев. Видя, что его олень, вскинув голову, падает на передние ноги, Цзэдэн трясет ружьем и оглашает воздух радостным кличем. Дорого же обходится ему неопытность! Упав на землю, зверь успевает обломать оба своих молодых рога. Опьянев от радости, Цзэдэн не замечает, что отец сразу же после выстрела хватает своего оленя за голову и держит его, пока животное не перестает биться в судорогах.

— Эх ты, зверобой! — говорит отец. — Сколько раз тебе говорил: весной вся цена оленя в пантах. Ну да ладно, и мясо пригодится. А наперед знай: зверь чует, что бьют его из-за рогов, и всегда норовит обломать их перед смертью.

Это объяснение, слышанное отцом от деда, кажется Цзэдэну вполне убедительным. И еще одна картина детства встает перед глазами Цзэдэна. Плачет мать. Притихли, забившись в угол, братья. Больной отец лежит на кошке и хрипит. Хрип

этот страшный. Непонятная тревога охватывает Цзэдэна, он долго лежит с открытыми глазами. В горле у отца нарыв. Дышать ему все труднее, мать уже два раза ходила молиться в монастырь, отнесла туда последнюю медную утварь. Больше в доме ничего ценного не осталось. Но проходит несколько дней, болезнь усиливается, и нарыв прорывается внутрь. В дом заглядывает смерть.

Теперь Цзэдэн едет в монастырь. Ламы говорят, что молитвы не могли помочь отцу. Небо послало ему наказание за то, что он убил слишком много живых существ и не искупил своих грехов. Цзэдэн кивает головой. Да, верно. Охотятся почти все в селении, но боги на них не гnevаются: за каждого убитого зверя люди шлют в монастырь подношения. А что мог послать отец? Мяса ламы не берут, а масла и цамбы самим всегда не хватало. Цзэдэн доволен уже тем, что ламы соглашаются хотя бы как следует похоронить отца. Ведь только последних бродяг, о которых некому позаботиться после смерти, сбрасывают в водопад. Мать непременно хочет, чтобы тело отца было «предано небу», как требует обычай. Тогда он в следующем существовании, может быть, будет счастливее...

Ламы кладут труп на шесты и, велев Цзэдэну сопровождать их, отправляются к вершине священной горы. Там никто не смеет ни охотиться, ни собирать целебные травы. На ровной площадке все останавливаются. В центре ее белеет продолговатый плоский камень, покрытый буддийскими из-

речениями. На него опускают носилки. Несколько раз вспыхивает на солнце клинок меча – и тело рассечено на части. Ламы бьют в гонги. Цзэдэн видит серых грифов. Привлеченные знакомыми звуками, птицы спускаются все ниже, ниже и, окружив камень, начинают клевать труп. Ламы проворно заканчивают обряд: толкут камнями кости, смешивают с тестом. Через несколько минут священные птицы поднимаются в воздух. Камень пуст. Мальчик облегченно вздыхает: небо приняло тело отца. Цзэдэн возвращается домой. С этого дня кончается его детство. Охота для него теперь не забава, а труд. Он кормилец, глава семьи.

Четыре дома стоят почти у самого потока, который скачет по камням, сердито бормоча. Еще восемь жилищ лепятся повыше на склоне. Вот и все селение Деринсё. Зимой, когда бураны на четыре месяца закрывают единственную тропу, ведущую вверх по ручью, сюда не пройдет ни одна живая душа. Да не только люди – даже солнце долгое время не может заглянуть на дно ущелья, чтобы хоть немного ободрить людей, которые из года в год встречают холода с покорным страхом. Долина, по которой поток разбросал гладкие камни, ошетичилась редкой жесткой травой. Один край ущелья крутой, скалистый. Выше начинается ледник. Туда жители Деринсё почти никогда не взбираются. Другой, более пологий край, порос лесом. Этот лес, начинавшийся сразу за селением и уходивший неизвестно куда, был для Цзэдэна всем его миром.

Семья, в которой вырос Цзэдэн, считалась в Деринсё одной из самых бедных. Было у них крохотное поле, которое каждую весну засыпало обломками каменных лавин. Мать с маленькой сестрой работали там с утра до вечера, но зерна своего хватало месяца на три-четыре, не больше. Братья занимались в дома побогаче. Рубили хворост, таскали его на себе в селение. Так можно было заработать пару чашек цзамбы в день. Но главным доходом после смерти отца должна была стать лесная добыча Цзэдэна.

Чутье следопыта воспитывалось в Цзэдэне с младенческих лет. Выработанная поколениями охотничья сметка, рассказы отца, свои собственные наблюдения над природой, бывшие единственной пищей любознательной детской души, – все это помогало юноше чувствовать лес, понимать его, жить одной с ним жизнью. Зрение и слух молодого тибетца были развиты так же хорошо, как и его мускулы. Он усвоил с детства, что медведи, леопарды, лисицы, кабаны, мускусные олени, архары – все обитатели горных лесов имеют свои повадки, не распознав которые нечего ждать удачи. Юноша читал почти невидимые следы, разгадывал причины шорохов и звуков, которыми чаща живет и даже в самые тихие предрассветные часы.

Для Цзэдэна было чем-то само собой разумеющимся, что оленя на панты нужно бить весной, а кабаргу – мускусного оленя – осенью, что у каждого пушного зверя своя пора, когда мех его ценится выше всего. Он твердо помнил советы

отца, что не во всякого зверя надо целиться между глаз. У медведя, например, черепная кость толстая, наповал его не убить, а раненый он страшнее злого духа. Поэтому стрелять в медведя нужно только тогда, когда находишься выше его по склону, и целиться под лапу: подбитому зверю труднее карабкаться вверх и, как говорят старики, видит он тогда хуже, потому что шерсть нависает ему на глаза.

По перенятой от предков примете, прежде чем зайти на выстрел, Цзэдэн вырывал из виска волос и, подбросив его над головой, следил за тем, как он падает на землю. Так можно было уловить направление даже самого слабого ветерка. Цзэдэн любил опасную охоту на архаров. Они водились на скалистых вершинах, где почти ничего не растет, где воздух редок. По многу дней карабкался он по склонам с мешочком цзамбы и веревкой, каждую минуту рискуя сорваться в пропасть. Но умение подстрелить архара было вопросом чести для мужчины. И редкая девушка согласилась бы выйти замуж за парня, который не добыл бы ей пары красивых рогов.

Среди охотников в Деринсё каждый имел свою излюбленную специальность. Для Цзэдэна ею была охота на леопардов. Никто лучше него не умел отслеживать тропы, по которым ходят на водопой эти опасные хищники гордых лесов. Найдя тропу, Цзэдэн осторожно рыл на ней яму и устанавливал сверху тяжелую каменную плиту. Ее поддерживала в наклонном положении только тоненькая бамбуковая жердь. На ночь в яму он опускал барашка. Привлеченный блеянием

животного и его запахом, леопард подкрадывался к западне. Стараясь протиснуться к добыче, хищник выбивал жердочку, и каменная плита всей своей тяжестью падала вниз.

Нередко в селении кто-нибудь недосчитывался телят или овец. Все знали, что это проделки леопарда. Зарезанную пятнистым зверем скотину оставляли на месте, привязав к ней несколько колокольчиков. Цзэдэн ложился в засаду, заранее наведя и накрепко закрепив ружье, и стрелял, как только в темноте раздавалось позвякивание. Обычно он угадывал даже, с какой стороны подойдет зверь.

Молодой охотник лучше всех в селении разбирался в качествах леопардовых шкур. Знал он толк в мехе снежного леопарда – неярком, словно обкуренном серым дымом, длинном и мягком. Такой мех служит хорошей постелью. Однако больше нравился ему золотой леопард. У него шерсть короче, но ровная, гладкая, на красно-золотистом фоне чернеют пятна правильной формы. О пятнах леопарда среди охотников ходило много поверий. Некоторые утверждали, что они способны светлеть и темнеть, отражая состояние здоровья человека, который спит на шкуре. Другие говорили, что по этим пятнам можно определить всю историю зверя. У молодого леопарда пятна круглые, как монеты, а с годами многие из них приобретают форму разомкнутого кольца. Считалось, что каждое такое кольцо говорит об убитой хищником жертве.

Хороший охотник вырос из Цзэдэна, и мать гордилась им.

Но, хотя добычи он приносил немало, выбраться из нужды все равно не удавалось. Кому продать шкуры, рога, мускус? Где купить зарядов, чая, цзамбы? Даже бродячие торговцы никогда не заглядывали в Деринсё. Выход был один: обращаться к Нимобо, самому богатому человеку в селении. Все в Деринсё были его должниками. У Нимобо много лошадей, вьючных ослов. У него пять сыновей, и у каждого нарезное ружье. Ему одному под силу снарядить большой караван и отправить его на храмовый праздник в Кандин или Ганьцзы, когда там собирается большая ярмарка. А разве мог Цзэдэн один отправиться в такой путь? До Кандина в один конец нужно потратить месяц. Где достать ослов? В дороге не отобьешься от бандитов. Да и семью нельзя оставить одну в самую страду. И Цзэдэн носил всю свою добычу к Нимобо, всегда переступая порог его дома как нищий, просящий подаяние. В этой торговле не было цен. Нимобо брал, что ему нравилось, а платил сколько хотел.

Однажды осенью, когда тропу уже почти занесло, сыновья Нимобо, как обычно, привели караван с ярмарки. Несколько дней никто из их семьи не показывался на улице. А вскоре все заметили перемену, происшедшую с властителем Деринсё. На его каменном лице словно легла печать тревоги. Но еще больше удивили его поступки. Прежде Нимобо никому ничего не давал осенью. Ждал весны, когда люди съедят свои собственные скудные запасы. У Цзэдэна не было свинца для пуль. Не надеясь на успех, он пошел на всякий случай попро-

сить зарядов в долг, на зимний промысел. И охотнику показалось, что старика Нимобо подменили. Он усадил бедняка на кошму, назвал его соседом и сам предложил взять чая и муки.

– Сыновья привезли из Кандина хорошие вести, – сказал он на прощание. – Теперь и в уезде, и в провинции будут управлять другие чиновники. Была война, плохих прогнали. А ведь мы здесь всегда жили как братья, не правда ли?

Скоро по всей деревне пошли разговоры о том, какой благодетельный Нимобо: если бы не он, все в Деринсё давно умерли бы с голоду. Через некоторое время жители Деринсё были удивлены еще больше. Весной в селение пришли незнакомые люди. Такие события здесь происходили раз в десять – пятнадцать лет, и естественно, что все сбегались посмотреть на незнакомцев. Среди них были два китайца и три тибетца.

Когда развьючили осликов, один из китайцев начал говорить, а спутник его переводил фразу за фразой. Он сказал, что прибывшие – передвижная группа торгового магазина. Они возят по горным селениям товары, которые каждый тибетец может купить в обмен на свою добычу. Переводчик стал называть цены, и люди недоверчиво зашумели: Нимобо никогда не давал и пятой доли этого. Мужчины побежали по домам и вернулись, тряся в руках связки мехов, шкуры, рога. А получив взамен плитки чая, снова спешили в свои хижины, недоверчиво оглядываясь.

Приезжие рассказали, что теперь в горах проложена большая дорога. Доставлять товары стало намного дешевле. Ведь на каждом грузовике можно привезти столько же, сколько на шестидесяти – восьмидесяти яках. Автомобильная дорога проходит в четырех днях пути отсюда – через Ганто. Там открылся государственный магазин. Он высылает в отдаленные селения свои передвижные группы. Но их пока еще мало, поэтому жители Деринсё сами могут съездить в Ганто и купить там все по таким же ценам...

На другой день караван ушел. Долго ходили в Деринсё толки и разговоры, пока несколько бедняков не решились съездить в Ганто. Среди них был и Цзэдэн. Встретили их там приветливо. Прежде всего хорошо покормили и уложили спать во двореке под навесом. Утром продавцы посмотрели и оценили все, что привезли охотники. К своему удивлению, Цзэдэн больше всего получил за оставшийся у него с прошлого года мускус.

Цзэдэн каждую осень убивал по несколько мускусных оленей. Он знал, как подбираться на выстрел к этому чуткому животному, которое прячется в густом кустарнике и, едва слышав врага, уносится стрелой. Эта охота была бы доходнее всего, если бы мускус можно было продавать в первые руки. Беда в том, что шэсян – мошонку оленя, содержащую мускус, – нельзя разрезать: она теряет от этого всю ценность. А определять качество мускуса по одному внешнему виду и весу шэсяна – целое искусство. Ему учатся в течение десяти-

ти-пятнадцать лет, и старики ревностно оберегают секреты своего умения. Вот почему ни один бродячий купец, а тем более Нимобо, не покупал шэсян иначе как за бесценок: он не знал, что дадут за него в городе. Здесь же, в магазине, стоял настоящий, опытный оценщик, и Цзэдэн получил все сполна.

Когда первые покупатели из Деринсё еще стояли в магазине, туда вошел тибетец, бросив на прилавок огромную связку шкурок сурка. Это тоже поразило Цзэдэна. На «снежных свинок» никто из охотников вообще внимания не обращал. Во-первых, на что нужны такие маленькие шкурки? А во-вторых, старые люди говорили, что бить сурков грешно, ибо это перевоплощенные святые отшельники. Действительно, по своим повадкам зверьки чем-то напоминали монахов. С октября до марта они, как отшельники в пещерах, прячутся в своих норках, а летом любят сидеть неподвижно на задних лапках, будто ламы за молитвой. Цзэдэн рассказал про сурков своим младшим братьям, и те стали приносить их шкурки сотнями. Дело это нехитрое: жги возле норки сухой навоз, а когда ошалевший от дыма зверек выскакивает наружу, бей его палкой. С каждым приездом в Ганто Цзэдэн узнавал много нового. Раньше он считал, что дороже всего ценится мех травяной лисы, из которого богатые люди в Тибете любят делать шапки. Оказалось, однако, что много дороже стоит выдра. Накупив хороших капканов, Цзэдэн стал ходить далеко вверх по ручью и ставить их возле пещер в прибреж-

ных камнях. Выдр вокруг Деринсё много.

Приезжая в Ганто, Цзэдэн смотрит теперь уже не только на кирпичный чай, муку и порошок. С каждым разом все новые вещи привлекают его интерес. Мать долго не хотела ставить на огонь купленную им блестящую, как серебро, алюминиевую посуду. За ней последовала керосиновая лампа, несколько лопат, мыло (его особенно усердно предлагал продавец). Снежные метели по-прежнему надолго отрезают от мира деревушку Деринсё. Но холода и длинные зимние ночи семья Цзэдэна встречает теперь без прежнего трепета. Что-то новое вошло в дом вместе с огоньком керосиновой лампы, мигающим от порывов ветра. Первая надежда засветилась в нем, сменив извечный страх перед будущим. И заронили этот огонек те самые люди, которые впервые привели в селение караван товаров из Ганто.

На улицах Лхасы

Город, о котором буддисты всей Азии говорят так же, как мусульмане о Мекке, а католики о Риме, — для скольких исследователей Центральной Азии остался он недостижимой целью, неразгаданной тайной! Можно перечесть по пальцам всех иноземцев, кому удалось побывать в этой цитадели ламаизма.

Вереница вьючных мулов, украшенных яркими султанами, с трудом пробирается по улице, похожей на бесконечный

базарный ряд. Торговцы сидят на порогах своих полутемных лавок, разложив товары прямо на земле. Здесь увидишь изделия всех ремесел Тибета и все, что привозят сюда издалека по горным тропам отважные караванщики. Шапки, отороченные мехом, седла с серебряным набором, невыделанные звериные шкуры, кинжалы в чеканных ножнах. Электрические фонарики и термосы из Шанхая. А рядом груда котлов для варки мяса, привезенных из Индии. Здешние торговцы свободно пересекают границу, уходят за Гималаи, в Индию, Непал, Бирму.

Сотни звуков сливаются в гомоне толпы. У навесов, под которыми разложены товары, идут жаркие споры. Купить что-нибудь, не поторговавшись, считается просто неудобным. Над торжищем не стихает звон серебра. Бумажные деньги здесь не в ходу. Платят монетами по весу. Где и когда они отчеканены – не важно. Ходят и гомильдановские юани, и колониальные индийские рупии, и даже рубли с профилем Николая Второго. Но подлинность металла проверяют ударом о камень.

С криком гоняются друг за другом чумазные ребятишки. Ржут привязанные кони. Перекликаются друг с другом через улицу женщины, хозяйничающие на плоских крышах домов. Уличный шум то и дело покрывает пронзительный визг собаки, попавшейся кому-то под ноги. Этих бездомных псов в Лхасе великое множество: в священном для буддистов запретном городе никто не смеет убить ни одну живую тварь.

Возле связок коралловых бус спорят девушки с черными лицами. Когда-то, чтобы оградить монахов от искушения, в Тибете был издан указ, по которому женщина перед уходом из дома должна была смазать лицо маслом и посыпать землей. Прошло несколько столетий, и правило вошло в обиход. Может быть, еще и потому, что так легче уберечь кожу от сухости здешнего воздуха.

Жжет благовония продавец ритуальных свечей, и к их аромату примешивается резкий запах прогорклого коровьего масла – его по тибетскому обычаю перед продажей специально выдерживают месяцами в кожаных мешках.

Ходишь по Лхасе, как по киностудии, где идут съемки фильма о временах Марко Поло. За стеной монастыря слышен грохот барабанов и разноголосое бормотание. Там, как всегда, молятся. А с другого края улицы доносится знакомая мелодия, под которую китайские служащие ежедневно делают зарядку. Медленно вышагивают три монаха в высоких остроконечных шапках. В вытянутых руках они несут чаши для пожертвований. Встречные покорно опускают в них медяки.

Группа китайцев в военной форме с интересом разглядывает установленные посреди улицы огромные бронзовые чаны. Во время религиозных празднеств, когда население Лхасы удваивается, в них кипятят чай приходящие из дальних мест богомольцы. Толпа любопытных окружила запыленный грузовик. В нем – продолговатые кули кирпичного чая, при-

везенного из Сычуани. И тут же другая картина снова возвращает в Средние века. Горячий вороной жеребец звонко шлепает по невысыхающей луже. Сановник далай-ламы в парчовом шлеме и красном камзоле, надетом на халат из желтого атласа, скачет по направлению к Потале. А четыре охранника плетями прокладывают ему путь через толпу.

Дворец далай-ламы виден почти из любого уголка Лхасы. Будь рядом современный город с многоэтажными зданиями, Потала и тогда выделялась бы своим величием. Но восхищение стройной гармонией линий сменяется совсем иными чувствами, когда попадаешь во внутренние помещения Поталы. Как строения раннего средневековья, создававшиеся в эпоху распрей и смут, они действуют на воображение прежде всего мрачной массивностью.

Полумрак залов хранит от постороннего глаза старинную роспись стен. Вот потускневшее панно, на котором безымянный живописец воспроизводит легенду о происхождении тибетцев. Когда-то на месте Тибета было море, окруженное горами. Потом море исчезло. Остались озера. В молодых рощах появились первые звери. Пришла из-за гор и обезьяна. Ее шестеро детенышей поселились в лесу. Они росли и размножались так быстро, что через три года их было уже пятьсот. А когда для них стало не хватать плодов в лесу, старая обезьяна отправилась за помощью к богу Ченрезе. Он дал ей зерна цинко и рассказал, как бросать их в землю. С тех пор обезьяны стали выращивать злаки, приручать яков и коз,

строить жилища, пока не стали людьми.

В одной из самых старых построек дворца Потала хранятся статуи тибетского царя Сронцзан Гамбо и взятой им в жены китайской принцессы Вэнь Чэн. Однажды на площади в Лхасе я видел театральное представление. По форме оно напоминало китайскую классическую оперу: чередование пения с элементами акробатики и пантомимы, обилие ударных инструментов, условный, раз и навсегда определенный ритм для каждого персонажа, яркие костюмы и полное отсутствие декораций.

Спектакль рассказывал о том, как царь Сронцзан Гамбо объединил тибетские племена и решил породниться с императорами танского Китая. В то время тибетцы разбрасывали семена в непаханую землю, не знали иной одежды, кроме шкур, не умели делать масло и молоть зерно.

– Я согласна стать женой вашего царя, – ответила Вэнь Чэн послам Сронцзан Гамбо, – но привезу с собой в Тибет то, чего там недостает.

Так рассказывает об этом старинное предание. Но исторически неоспорим тот факт, что зародившиеся уже в VII веке экономические связи с Китаем сыграли важную роль в истории тибетского народа. Китайские мастерские положили в Тибете начало почти шестидесяти ремеслам. С того времени у тибетцев появилось ткачество, возникло производство сельскохозяйственных орудий, керамики, бумаги. Тогда же начался ввоз в Тибет китайского чая, не прекращающийся

вот уже более тысячелетия. Вместе с шелком с востока пришли и образцы китайской одежды эпохи Тан. Тибетский национальный костюм донес до наших дней многие ее черты.

В XIII веке император Хубилай присоединил Тибет к Китаю. Буддийское духовенство пользовалось тогда не только огромным религиозным влиянием. Оно владело обширными поместьями, держа в крепостной зависимости большинство населения. Поэтому, желая закрепиться в Тибете, китайский император стремился найти опору прежде всего среди настоятелей монастырей. Одному из них было поручено управлять тибетскими землями. Такие наместники впоследствии получили титул далай-лам и образовали феодально-теократическую форму правления, которая сохранилась в Тибете до XX века.

Религиозные догмы буддизма фактически играют в Тибете роль законов. Не почитать Будду, его учение и монашество в народе считается преступлением. За стенами дворца Потала скрыты богатейшие усыпальницы, в которых замурованы тела восьми покойных далай-лам: пятого, седьмого, восьмого, девятого, десятого, одиннадцатого, двенадцатого, тринадцатого. Откуда-то снизу, из незримых глубин дворца, доносятся глухие удары гонгов. Там день и ночь молятся монахи. Ежедневно сменяются приношения: родниковая вода в серебряных чашах, блюда с зерном, цветы, вылепленные с редким искусством из подкрашенного масла.

Одна из стен Поталы своей росписью напоминает гео-

графическую карту. По сути дела, это и есть карта Тибета. Она изображает расположение монастырей, существовавших при далай-ламе пятом.

Нелегкой ношей легла религия на плечи немногочисленной народности, производительные силы которой надолго застыли на стадии раннего феодализма. Живуч давний обычай, требующий, чтобы один из сыновей в семье непременно шел в монастырь. В Тибете, где в 1955 году население едва достигало миллиона, насчитывалось сто пятьдесят тысяч лам. (Теперь их тридцать пять тысяч на два с лишним миллиона жителей.) Особенно большой вес в жизни Тибета имеют расположенные неподалеку от Лхасы «три великих монастыря»: Дрепан, Сера и Ганден. Ни одно важное решение не принималось далай-ламой без ведома и согласия «большой троицы».

Мы потратили целый день, но так и не успели хотя бы бегло осмотреть Дрепан – крупнейший монастырь мира. Это целый город, спускающийся с горы каскадом белых каменных зданий (отсюда название Дрепан, то есть «груда риса»). Поначалу далай-ламы (от первого до пятого) считались настоятелями монастыря Дрепан и жили здесь, пока не переехали во дворец Потала.

Над золотыми башенками кружатся в парящем полете грифы. Яркими пятнами выделяются на окрестных скалах высеченные в них барельефы буддийских святых. У ворот монастыря нас встречают синго – главные блюстители уста-

ва, своими одеяниями напоминающие римских дисциплинариев. Жесткие наплечники, надетые под обычный монашеский хитон, придают их фигурам фантастический, богатырский вид. Сопровождающий нас духовный сановник из Лхасы при виде синго торопливо снимает желтую шелковую сорочку: внутри монастыря все ламы круглый год должны ходить с обнаженными руками.

С трудом карабкаемся по узким, круто поднимающимся вверх улочкам, то попадая в темные молельни, то оказываясь среди грязных домишек, где селятся монахи. Дрепан, как и каждый из «трех великих монастырей», – центр высшего буддийского образования.

Тысячи людей не то что годами – десятилетиями учат тут наизусть священные книги. Ведь кроме ста восьми томов основного канона – Кангиура, – приходится изучать еще более двухсот томов комментариев! Каждые семь лет богословы, наиболее прославившиеся своими знаниями, собираются на диспут, и победителю его присваивается титул Гадэн Циба – Ученейший. Этот первый знаток буддизма в Тибете оказался добродушного вида старичком. Отвечая на вопросы, он поглядывал на меня, как на ребенка, которому вдруг захотелось узнать, отчего солнце светит: как, мол, ни растолкуешь, детскому разуму это все равно недоступно. Понять все то, что говорил Ученейший, действительно было нелегко. Однако некоторые положения, касающиеся буддизма, было интересно услышать именно из его уст.

Буддизм не требует от верующих исполнения религиозных обрядов. Пусть человек сделает хорошее приношение монастырю, а молиться – дело монахов. Нужно только как можно чаще напоминать себе изречение Будды о том, что «нынешняя жизнь есть следствие жизни прошлой и причина будущей». Символом такого «кольца причинности» служит вращение по часовой стрелке. Спрашиваю у Гадэн Циба, какие грехи считает его религия наиболее тяжелыми.

– Убить отца или мать, нанести вред ламе или монастырю, осквернить статуи богов, – отвечает он.

– А какими добродетелями должен обладать верующий?

– Отвечать добром на зло. Заботиться о ближних. Слушать советы лам. Делать хорошие приношения монастырям.

Вспоминаются длинные прилавки у монастырских ворот, за которыми сидят монахи, протягивая каждому проходящему объемистую копилку. Пожалуй, последнюю добродетель ламы прививали народу особенно старательно. Хожу из молельни в молельню. Жирный чад тысяч лампад липким слоем покрывает пол и стены. Сколько же масла сгорает здесь, если даже небольшой монастырь расходует его пятьдесят выюков в день? На засаленных тюфяках рядами сидят монахи, хором читают молитвы и раскачиваются в такт. Их монотонное бормотание вдруг прерывается оглушительным грохотом – бьют в гонги и барабаны, дуют в раковины и рыкающие четырехметровые трубы. Из ниш глядят бронзовые святые. На их лицах, как и на лицах монахов, лежит одна и

та же печать отрешенности.

Чай у далай-ламы

Чем ближе подъезжаешь к Лхасе, тем чаще видишь па-ломников, меряющих путь к святым местам своим телом. Через каждые три шага они ложатся распростертыми в дорожную пыль или грязь. Такое подвижничество, требующее иногда нескольких лет, совершается, дабы хоть издали увидеть далай-ламу. В дни религиозных празднеств в Лхасу ради этого сходятся тысячи людей. Поэтому обещанной встречи с далай-ламой я ждал с большим волнением. Он принял меня в своей летней резиденции – Норбулинке. Молодой парк с живописными павильонами, прудами, беседками и цветниками явно выигрывает в сравнении с мрачными, прокопченными залами Поталы. Создатели парка хотели придать ему вид рая на земле. Среди деревьев щиплет траву ручная лань. По дорожкам важно расхаживают фазаны. Голуби садятся у ног людей, ожидая подачки. На клумбах – удивительное разнообразие хризантем, астр, георгинов.

Иду по аллее в сопровождении начальника личной гвардии далай-ламы. Огромный бриллиант, сверкающий на его фуражке вместо кокарды, и длинная бирюзовая серьга выглядят довольно странно в сочетании с современным офицерским мундиром. Впрочем, парадоксальное смешение эпох видишь не только в этом. Несколько сановников и лам

в средневековых одеяниях снимают меня киноаппаратами новейших зарубежных образцов. В зале церемоний, где на помосте из четырех ступеней возвышается покрытый золотой парчой трон, а на полу лежат подушки для посетителей, узнаю, что его святейшество примет меня в неофициальной гостиной.

В Тибете ни один визит не обходится без хата – белого шарфа, который преподносится в знак уважения. Далай-ламе полагается вручать хата из особого сорта шелка. Держа на вытянутых руках это полотнище, я вхожу в небольшую светлую комнату. Стенная роспись, обивка кресел и ковер в ней выдержаны в желтых и пурпурных тонах – священных тонах буддизма.

Меня встречает человек в обычной одежде буддийского монаха. Хитон из грубого местного сукна свободными складками облегает его фигуру, оставляя обнаженными руки. Далай-ламе немногим более двадцати лет. Лицо его, покрытое здоровым румянцем, а главное – живые глаза, пытливые глядящие из-под очков, не носят и следа нарочитой отрешенности, характерной для высокопоставленных буддистов.

С первых же минут беседы чувствуется, что далай-лама внимательно следит за мировыми событиями.

– Хотел бы воспользоваться вашим приездом, – говорит далай-лама, – чтобы передать несколько слов зарубежной общественности, буддистам в других странах. Мы, тибетцы, не только веруем в учение Будды, но и любим нашу родину, где

уважается и охраняется свобода религии.

Далай-лама держится непринужденно, энергичные жесты сопровождают его уверенную речь. Седобородый монах то и дело наполняет его золотую чашку. Такой же приготовленный с маслом и солью чай пью и я, но из серебряной чашки. Разговор переходит на проблемы Тибета.

– Связи китайского и тибетского народов, – говорит далай-лама, – имеют более чем тысячелетнюю давность. Но политика, которую проводили императоры Цинской династии и их гоминьдановские наследники, породила национальную рознь. Ее вдобавок старательно разжигали внешние силы. Поэтому сразу ликвидировать взаимное недоверие было трудно. Но тибетцы все яснее видят, что на смену национальному гнету приходят отношения равенства и взаимопомощи между народами. Рассеиваются заблуждения, крепнет сплоченность...

Не раз вспоминал я потом эти слова далай-ламы, когда знакомился с обстановкой в Тибете. Расположенный в глубине Азиатского материка, он отделен от мира Гималаями и Куэнь-Лунем. Народно-освободительная армия застала в Тибете общественно-экономические отношения раннего феодализма со значительными пережитками рабовладельческого строя. Монастыри и местная знать сосредоточили в своих руках обрабатываемые земли и пастбища. Земледельцы и скотоводы были закреплены за владельцами земель, на которых они живут. Каждый правитель удела сам вершил

суд, устанавливал и собирал налоги. Как страшная болезнь, косила людей родовая месть, столь давняя, что враждующие семьи почти никогда не помнили первопричины ссоры.

Окраинное положение высокогорной области, специфику ее общественного уклада не раз пытались использовать иностранные державы, чтобы отторгнуть Тибет от Китая. Последняя попытка инсценировать такое «отделение» делалась в 1949 году, накануне победы китайской революции. Однако политика равноправия и дружбы всех национальностей, провозглашенная новым Китаем, одержала верх. Первым шагом молодого далай-ламы четырнадцатого, когда он взял в свои руки власть, находившуюся у регента, было начало переговоров с центральным народным правительством.

– С тех пор как в 1951 году было подписано Соглашение о мирном освобождении Тибета, – говорил мне при встрече далай-лама, – наш народ оставил путь, который вел к мраку, и пошел по пути, ведущему к свету...

В вопросах, касающихся реформ в Тибете, гласила статья одиннадцатая Соглашения 1951 года, не будет иметь места какое-либо принуждение со стороны центральных властей. Местные власти Тибета должны проводить реформы добровольно. А когда народ потребует проведения реформ, вопрос о них должен решаться путем консультаций с видными деятелями Тибета.

Этого принципа придерживались в своей деятельности представители центрального правительства. В то время как

вопросы внешней политики и обороны были переданы Пекину, местная исполнительная власть в 50-х годах по-прежнему осуществлялась администрацией далай-ламы. Он возглавлял тогда в Тибете не только духовную, но и светскую власть. Жизнь показала, что политика длительного сотрудничества с видными представителями духовенства и местной знати была правильной. При низком уровне политического сознания народа и огромной силе религии, только действуя через них, во всем заручаясь их согласием, можно было преодолеть национальную рознь и сплотить тибетский народ со всеми народами Китая на основе дружбы и равноправия.

Человек презираемой касты

Центр Лхасы опоясывает улица Палкхор. Предание гласит, что внутри этого кольца когда-то было озеро, в котором водились черти. Чтобы нечистая сила не беспокоила горожан, озеро засыпали и построили на нем монастырь Джокан.

На улицу Палкхор выходит здание городской управы с вишними у входа тигровыми хвостами – символом власти и правосудия. Здесь же продают свои товары купцы из дальних краев. В ленивых позах сидят щеголеватые непальцы, потягивая через трубочку очищенный водой табачный дым. Белеют шапочки мусульман, пришедших с караванами из-за снежных перевалов Гималаев. Улица Палкхор – это Лха-

са торговцев и богомольцев. Но если свернуть в сторону от торгового кольца, попадаешь в Лхасу ремесленников. Из пятидесяти тысяч постоянных жителей города в 1955 году двадцать тысяч составляли ламы, пятнадцать – торговцы и столько же кустари. Но именно последняя часть составляет ядро городского населения.

В узких, извилистых переулках каждый дом – это и жилище, и мастерская, и лавка. Связь ремесла с торговлей предстает взору в самом непосредственном ее проявлении. За распахнутой дверью видишь кустика за работой, а перед порогом – то, что он произвел и хочет продать. Все тибетские ремесленники считались слугами далай-ламы. Как и в средневековой Европе, они были объединены в цехи с иерархической структурой и сложным ритуалом посвящения подмастерьев в мастера. Раз в год полагалось делать приношения далай-ламе и получать его благословение. Для этой торжественной церемонии каждое ремесло имело свой наряд и знало свое место. Первыми подносили дары золотых дел мастера и стенописцы, создающие образы богов, последними – кузнецы и скотобои.

На низком чурбаке сидит в своей каморке ювелир. Положив на круглую металлическую колодку серебряную монету, он бьет по ней молотком. Кружок серебра постепенно расплющивается и приобретает форму чаши или лампы. Оглядев изделие придирчивым взглядом, ювелир берет молоточек поменьше и крохотную стамеску. Это единственные

помощники верного глаза и умелых рук. Тихонько постукивает молоточек, пальцы едва заметно передвигают острие стамески. А на серебре словно по волшебству ложится чеканный узор – легендарная птица Чон, окруженная лепестками лотоса.

Рядом другой кустарь мастерит похожий на икону серебряный футляр для амулетов. Их носят на груди многие тибетцы. Вместо чеканки он выбивает на поверхности металла круглые гнездышки, чтобы потом вставить в них голубую бирюзу, которая, по преданию, впитывает в себя недуги человека, полупрозрачный сердолик, именуемый в народе «ячьим глазом», или кусок коралла, привезенный из далеких индийских морей (как и бирюзе, ему приписывают целебные свойства)

Возле одного из домов разложены яркие прямоугольные коврики. Пройдя через полутемную лавку во внутренний двор, оказываешься в ковровой мастерской. На кошмах сидят женщины. Звучит незатейливая мелодия песни, движутся в такт ей руки, превращая спутанные кипы шерсти в нежный, как снег, пух. Набрав полный фартук, статная девушка относит его на другой конец двора. Там гудят деревянные прялки, будто чудом перенесшиеся сюда из старинных русских сказок. В темных помещениях нижнего этажа белую нить окунают в каменные корыта. Натуральные красители из трав, корней, минералов придают пряже поразительные по разнообразию, яркости и устойчивости оттенки.

Наверху сидят ткачи. Две параллельные жерди, между которыми натянута хлопчатобумажная основа, — вот и весь станок. Углем на основу наносится рисунок, вернее, главные контуры, пропорции. Образец орнамента лежит рядом, и ткач лишь время от времени поглядывает на него. Можно часами любоваться мудрой простотой каждого движения ковровщика. Вот он берет моток шерсти нужного цвета, ловко продевает конец ее за нить основы, выводит его обратно, натягивает, обрезает. Длина торчащих концов — это и есть толщина будущего ковра. Ткач делает стежок за стежком, прижимая их друг к другу тяжелым металлическим гребнем.

Два конца обрезанной нити войдут в рисунок ковра лишь двумя цветными точками. И вот из таких-то точек постепенно рождаются излюбленные темы народного искусства: горы, тигр с гордо повернутой головой — напоминание о тех временах, когда посередине ковра вшивался кусок тигровой шкуры, знак власти восседавшего на нем вождя. Какое же здесь требуется мастерство, какое художественное чутье, наконец, какая бездна времени! Небольшой коврик, приблизительно два метра на полтора, требует больше месяца труда опытного мастера. Зато век тибетского ковра равен, как говорят, веку человека, и краски его не тускнеют даже от яркого высокогорного солнца.

Многообразно искусство лхасских умельцев. Здесь ткут грубое сукно шириной в локоть, в которое одеваются монахи; отливают из меди фигурки Будды; выжигают глиня-

ные кувшины, чеканят серебряные кубки. Во всех буддийских странах Юго-Восточной Азии славятся приготовляемые в Лхасе ритуальные свечи, курящиеся ароматным дымом. Есть, наконец, в Лхасе искусные кузнецы.

Переулоч Канбара так же узок и грязен, как другие в ремесленной части Лхасы. Двухэтажные дома отличаются от крестьянских лишь тем, что стоят теснее друг к другу. Я в гостях у кузнеца Церина Пинцо. Его жилище разделено надвое перегородкой. За ней стоит горн, наковальня, насыпана куча древесного угля, в углу составлены металлические прутья. В жилую часть комнаты свет попадает только через широкий дверной проем. На теплую часть года дверь снимается вовсе. Тогда и жилище отделяется от улицы лишь каменным порогом, который преграждает путь дождевой воде. Посередине каморки примитивный очаг, где тлеют лепешки сухого ячьевого навоза. Солнечный луч синей полосой пробивает себе дорогу сквозь клубы дыма. Когда глаза постепенно привыкают к полумраку, я вижу и почерневшие от копоти жерди потолка, к которым привязаны кожаные мешочки, пучки каких-то трав. В дальнем углу, где под изображением далай-ламы горит несколько лампад, на ворохе шкур сладко спит, улыбаясь во сне, пятилетняя девочка. Жена хозяина Гасан сидит на пороге и кормит грудью младенца. Время от времени она выходит на улицу, чтобы предложить случайному прохожему разложенные тут же мотыги, серпы, скобы и гвозди. Мне указывают место на сундуке. Сам Церин Пинцо располага-

ется напротив. Он сидит свободно и прямо, обхватив колено пальцами сильных рук. Распахнутый ворот рубахи открывает мускулистую шею. Вокруг головы уложены заплетенные в косу густые, нечесанные волосы. Когда кузнец говорит, добродушно прищуренные глаза его будто ощупывают собеседника, а руки все время в движении: нужное слово подкрепляет нетерпеливый, выразительный жест.

Разговор сам собой заходит о том, что больше всего волнует хозяев: о заказах, о заработках, о дороговизне железа, которое привозят сюда выюками из-за дальних гор. Гасан часто перебивает мужа, вставляет свои замечания, а скоро к ней присоединяется и третий собеседник. Это сосед Церина, кузнец Чжаси Тэнчжу. Он вошел как-то незаметно и молча уселся на корточки возле огня. Теперь все трое говорят, обращаясь уже не столько ко мне, сколько друг к другу. Самые горячие толки вызывает упоминание об ула – трудовой повинности, которую земледельцы, скотоводы и ремесленники должны отрабатывать своим хозяевам – монастырям и местной знати. Сама по себе ула никому не кажется несправедливой. Сетуют на другое. Кузнецы, как и все мастеровые в Лхасе, объединены в гильдию – ремесленный цех. И повинность распределяет между семьями цеховой мастер. Вот и получается, что, смотря по расположению этого человека, одни трудятся по ула двадцать дней в месяц, а другие чуть ли не вдвое меньше.

– А намного выгоднее брать заказы со стороны? – спра-

шиваю я.

– Какое сравнение! – отвечает Церин. – Дома бы я раза в три-четыре больше заработал. А там за мешок ячменя таскаюсь целый месяц с одного места на другое.

– Когда это ты заработал на ула мешок зерна? – кричит с улицы Гасан. – Сколько получишь, все и съедаешь. А семья ни с чем остается. Если бы сам работу брал...

– Заказ, заказ! – мрачно говорит Чжаси Тэнчжу, скребя пальцами голову. – Его еще найти надо. Железо дорогое, народ бедный.

– Может быть, в деревне нашлось бы больше работы?

– Но без разрешения мастера из Лхасы уезжать нельзя, – качает головой Церин – Это значит – неси ему каждый раз подарок.

Цех ежегодно собирает с ремесленников деньги на дары далай-ламе. В определенный день кустари отправляются с ними в Норбулинку. При воспоминании об этой церемонии все заметно оживляются. Порывшись в углу, Церин показывает красную шапку с бахромой из лент. Ее полагается надевать во время торжественного шествия к далай-ламе.

– Под благословение подходят чередом, по высоте ремесла, – с торжественностью в голосе рассказывает Чжа-Тэнчжу. – Сначала стенописцы и медники. Потом ювелиры, ковровщики, плотники, каменщики, а уж после всех мы, кузнецы...

Корни такой традиции, по-видимому, религиозные, Буд-

дизм считает большим грехом убийство любого живого существа. Кузнецы же делают орудия убийства, скотобои ими пользуются...

Я спрашиваю, сказывается ли это на заработках.

– Конечно! Ювелир, к примеру, сделает за день две серьги, продаст их. А самому искусному кузнецу, чтобы выручить столько же денег, не меньше недели пришлось бы трудиться!

– С детства мы это узнали, – грустно улыбнувшись, говорит Церин Пинцо. – Работать зовут – ты нужный человек, а кончил дело – тут же тебе в спину кричат «гара!».

– Что же это за слово? Что оно значит?

– Это презрительная кличка кузнецов. Так зовут духа, которого на том свете за какие-то прегрешения превратили в кузнеца. Во дворце Потала есть его изображение. Сидит верхом на баране с молотом в руке, а лицо черное, страшное.

– В праздник приоденешься, выйдешь с ребятишками на улицу, а на тебя со всех сторон пальцами показывают: «гара», – говорит Гасан. – Всего тяжелее думать, что и детям не избежать того же, – продолжает она. – Издавна ведь заведено: женится кузнец на дочери кузнеца, а сына может сделать только кузнецом.

В наступившей тишине слышны звуки уличной жизни. Постукивает молоточек чеканщика, где-то иступленно хохочет юродивый, звенят бубенцы проходящего каравана. Собеседники молчат, думая, наверное, о духе с молотком, чер-

ный лик которого, как проклятье, висит над кузнецами из поколения в поколение.

Ярмарка в долине Дам

Высунувшись из машины, я оглядываюсь назад. Еще рано. Лишь горы открыли наступающему дню свои снежные вершины. Полоса солнечного света медленно спускается по склонам. Но, прежде чем она коснется дремлющих в предутренней дымке строений Лхасы, город уже скроется за горизонтом.

Снова окунаюсь я в походную жизнь, от которой еще не успел отвыкнуть за недели пребывания в Лхасе. Снова тряское сиденье «газика», ночевки в спальных мешках, порядком уже надоевшие консервы. Опять лежа в палатке, буду клясть ветер за то, что он задувает свечу и не дает записать в дневник хотя бы несколько строк о впечатлениях дня. Снова перед сном буду заботливо укутывать свитером фотоаппарат, чтобы уберечь его от ночной росы... Путь лежит в скотоводческие районы Северного Тибета.

Первые десятки километров пролегают по густо населенной речной долине. Солнце золотит копны сжатого цинко. На плоских крышах домов молотят хлеб и там же складывают солому, прижимая ее сверху камнями. В такой тихий, прозрачный день только свежавыпавший снег на горах да зеленоватый оттенок бездонного неба говорят о приближении

зимы.

Дорога сворачивает в скалистое ущелье. А когда крутые стены его наконец раздвигаются, впереди предстает совершенно другой мир. Заболоченная равнина убегает вдаль меж пологих моренных гряд. Иссохшая рыжая трава с темными пятнами карликового кустарника, словно леопардовая шкура, покрывает их склоны. Среди пучков тибетской осоки, устилающей долину, белеют бесчисленные, омытые дождями валуны.

Унылый пустынный край... Караваны торговцев встречаются все реже. Северный Тибет – район кочевого скотоводства – расположен на высоте от четырех до шести тысяч метров над уровнем моря. Пересекающее его Тибет-Цинхайское шоссе, по которому я еду, проходит почти по безлюдным местам. Поэтому, несмотря на более удобный рельеф трассы, используется она значительно меньше, чем дорога из Сычуани, по которой я добирался до Лхасы. И Тибет-Цинхайское, и Тибет-Сычуаньское шоссе были открыты для движения одновременно – в декабре 1954 года. Но многое еще предстоит доделать. Реки часто приходится переезжать вброд: не всюду выстроены мосты. Клубы пара окутывают наш разогревшийся «газик», когда он отважно устремляется в воду. Нередко пенистая струя врывается внутрь, и мне приходится прятать ноги на сиденье, держа в поднятых руках свою поклажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.